

УДК 94 (100)
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-3-586-594
Оригинальное исследование

Специфика Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце холодной войны

Гофман А.В.

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12
E-mail: gofmanar@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется специфика ближневосточного региона как подсистемы международных отношений. Отмечается, что Ближний Восток длительное время рассматривался в качестве периферии противостояния между СССР и США. При помощи историко-сравнительного подхода показано, что многочисленные конфликты внутри региона были вызваны его самобытностью, уникальностью исторического процесса. Советский Союз и Соединённые Штаты не являлись первопричиной данных конфликтов, но пытались использовать их в своих интересах. Окончание холодной войны привело лишь к закреплению США как единственного гегемона, но не внесло решающих изменений в структуру ближневосточного региона.

Ключевые слова: СССР, США, Ближний Восток, холодная война, международные отношения

Для цитирования: Гофман А.В. 2022. Специфика Ближнего Востока как подсистемы международных отношений в конце холодной войны. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (3): 586–594. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-586-594

The Middle East Region Specificity as International Relations Subsystem in the End of the Cold War

Artyom V. Gofman

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russia
E-mail: gofmanar@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the Middle East specificity study as international relations subsystem in the end of the XX century. This region was a periphery for the US-USSR clash. After the World War Two the Middle East faced the collapse of colonial empires, many countries gained independence. Alongside that, this region slowly entered the bipolar clash system; many countries had to choose either the United States or the Soviet Union's sides. Started with the Arab-Israeli conflict in 1948, the Middle Eastern region suffered from many internal and external conflicts, based on religious ethnic, political or ideological grievances. Using the historical-comparative approach it was proved, that many conflicts in the Middle East were caused by its unique historical process and authenticity. The Soviet Union and the United States did not cause these conflicts, but both superpowers tried to use these in their interests. The end of the Cold War didn't lead to crucial changes across the region, but reinforced the United States as the only post-Cold War superpower.

Keywords: USSR, USA, Middle East, Cold War, international relations

For citation: Gofman A.V. 2022. The Middle East Region Specificity as International Relations Subsystem in the End of the Cold War. *Via in tempore. History and political science.* 49 (3): 586–594 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-586-594

Введение

Международные отношения на Ближнем Востоке во 2-й половине XX в. отличались высоким уровнем конфронтационности. Вторая мировая война сделала падение колониальных империй вместе с их политико-территориальной инженерией неизбежным. Переход от старых порядков к новым не был мирным, породив череду войн, революций и государственных переворотов. Разрастание холодной войны привело к усугублению региональных противоречий, которые стали более подвержены вмешательству США или СССР. В ряде стран прошла целая череда гражданских войн [Harb, 2019, p. 20].

Особенности ближневосточной подсистемы международных отношений

С изменением глобальной системы международных отношений происходила и переконфигурация региональных подсистем. Р. Хиннебуш, используя структуралистский анализ, пришёл к выводу, что ближневосточный регион является частью отношений «центр – периферия», где, собственно, Ближний Восток – это периферия, а центр – доминирующий Запад [Hinnebusch, 2003, p. 3]. Ключевое понятие Вестфальской системы – суверенитет – обычно подразумевает жёсткую связь между идентичностью и территорией, но из-за вмешательства колониальных империй эта связь была нарушена, ставя под сомнение сам принцип суверенитета [Hinnebusch, 2003, p. 5].

Это можно было бы трактовать как относительную «отсталость» ближневосточной региональной подсистемы международных отношений, носящую «довестфальский» характер. В научном сообществе существует консенсус по поводу деления истории международных отношений на эпохи начиная с 1648 г., однако такой раздел носит больше теоретический, чем историко-прикладной характер. А.В. Куприянов в своей статье «Опасный миф Вестфалья» утверждает, что ряд базовых принципов Вестфальской системы, таких как «суверенитет», «национальный интерес» и др., начал формироваться лишь с середины XVIII в., а современная система международных отношений, зародившаяся по итогам Венского конгресса в 1815 г., сформировалась лишь ко 2-й половине XX в. [Куприянов, 2019]. Говоря об имевшей место подгонке истории под теорию, он заключает, что «мы имеем дело не с «упадком традиционных государств» и нынешней системы международных отношений в целом, а с их трансформацией, в ходе которой они приспособляются к изменившимся условиям» [Куприянов, 2019].

Эти слова, сказанные про современный период, справедливы и для 2-й половины XX в. Исходя из этого, ближневосточную подсистему было бы правильнее назвать самобытной, нежели отсталой. То, что анархичность ей свойственна в большей степени, чем, например, европейской подсистеме, вызвано уникальностью развития исторического процесса в данной части мира, подверженной заметному влиянию внерегиональных акторов.

Хотя ближневосточная региональная подсистема и обладает своими специфическими чертами, она всё же испытала на себе заметное влияние глобального биполярного противостояния. Считается, что «система международных отношений эпохи «холодной войны», как и вестфальская, была основана на идеологической и организационной легитимности суверенного национального государства даже в том случае, если оно находилось в союзе с США или с СССР» [Наумкин, 2008, с. 710]. Стоит уточнить, что речь идёт в первую очередь о провозглашаемом суверенитете, не затрагивая вопроса о его соблюдении другими акторами мировой политики. Проще говоря, покровительство одной из сверхдержав усиливало состояние легитимности той или иной страны, причём усиление исходило не столько из исторических предпосылок, сколько из идеологических и геополитических целей СССР или США.

Советский Союз и Соединённые Штаты обладали значительным влиянием на региональные дела, но его не стоит преувеличивать. Две сверхдержавы далеко не всегда

могли контролировать положение дел в регионе. Наиболее ярко это проявлялось в череде арабо-израильских войн. СССР и США опасались разрастания локального конфликта на межрегиональный уровень и предпринимали усилия по его сдерживанию и урегулированию. Более того, Москва даже заявляла о том, что Ближний Восток «близок к советским границам» [Blank, 2018, p. 30–31], подразумевая важность сохранения там своей сферы влияния.

Противоречия в арабском мире

Как справедливо отметил В.В. Наумкин, «попыток переворотов – удачных и неудачных – в новейшей истории на Ближнем Востоке было так много, что одно их перечисление заняло бы несколько страниц» [Наумкин, 2018, с. 111]. По мнению отечественных исследователей, крушение колониализма в середине XX в. дало толчок новому развитию стран ближневосточного региона, которое не всегда было мирным [Наумкин, Кузнецов, 2021, с. 5–7].

Помимо этого, внутри самого арабского мира происходило столкновение между идеями панарабизма и панисламизма, символами которых были Египет и Саудовская Аравия соответственно. Данная линия разлома мешала американским и советским планам укрепления в регионе, а панисламизм даже больше, чем панарабизм был направлен одновременно против капиталистической и коммунистической систем. Ввиду этого период с 1960 по 1978 гг. иногда характеризуется как «внутриарабская холодная война» [Кризис на Ближнем Востоке, 2018, с. 6], закончившаяся победой исламской революции в Иране и поражением идеи панарабизма. Хотя Иран не относится к арабскому миру, последствия революции и рост исламизма нашли своё отражение далеко за пределами этой страны.

Стоит отметить, что вопрос о периодизации данного противостояния по-прежнему остаётся открытым. М.Н. Барнетт считает, что падение панарабизма произошло позже, на исходе холодной войны. Вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г. означало подрыв сложившегося порядка, который он именует «хартумским», основывавшемся на антиизраилизме и панарабизме [Barnett, 1998, p. 173–178]. Действия иракского президента С. Хусейна нанесли существенный репутационный урон арабскому национализму, приведя к расколу в арабском мире. «Ввиду того, что арабизм, казалось бы, вызывал только враждебность и подозрения, – пишет профессор, – арабские представители начали публично признавать свою усталость от его положений и не оправдавших себя обещаний» [Barnett, 1998, p. 213–214].

Данная точка зрения не лишена смысла, однако при её дальнейшем осмыслении возникают сложности в плане интерпретации исторических событий. Во-первых, если падение панарабизма произошло в начале 1990-х гг., то как тогда объяснить неудачные эксперименты по объединению нескольких арабских государств в одно, проводившиеся ещё в 1950–1970-е гг.? Неоднократно повторявшиеся попытки создать такие образования на примере Арабской Федерации из Иордании и Ирака, Объединённой Арабской Республики из Египта, Сирии и позже Ирака, Федерации Арабских Республик на основе Египта, Сирии и Ливии и т. д. оказывались недолговечны, либо существовали больше в формальной плоскости. При этом национальные границы многих арабских государств оказались более устойчивыми, чем национальные границы в ряде стран Африки, Азии и даже на Балканах [Samtack et al., 2017, p. 64].

Во-вторых, одним из столпов арабского национализма была борьба с колониализмом, под которым понималось и израильское присутствие в регионе, нашедшее своё отражение в Хартумской резолюции 1967 г. [Lukacs, 1992, p. 454–455]. Мирное соглашение Израиля с Египтом, секретные израильско-иорданские переговоры в 1980-е гг. уже сами по себе представляли как отход от «хартумской линии».

Исходя из этого, было бы правильнее сказать, что Кувейтский кризис 1990–1991 гг. ознаменовал собой окончательное поражение идеи панарабизма как альтернативы развития арабских стран. Проще говоря, произошла победа политики государственного национализма («*Nation State*») в отдельных арабских странах.

Подходы Москвы и Вашингтона к Ближнему Востоку

Эти процессы не были инсценированы в Москве или Вашингтоне, но оказали заметное влияние на политику двух сверхдержав в регионе. В отличие от Соединённых Штатов, подход Советского Союза к Ближнему Востоку являлся более прямолинейным. Уровень идеологической заданности советской внешней политики был на порядок выше американской. Жёсткость и прямолинейность, свойственные советскому внешнеполитическому курсу, оставляли мало пространства для манёвра на дипломатической сцене.

Советский подход к региональным проблемам носил преимущественно классовый характер, в соответствии с марксистско-ленинскими догмами. Классическим клише можно считать, например, высказывание советского востоковеда В.И. Киселёва о том, что «подход Советского Союза к проблемам обеспечения прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке... вытекает из основных принципов советской внешней политики, сформулированных В.И. Лениным. Это – братская, интернациональная солидарность и поддержка народов, ведущих свою борьбу за своё освобождение и независимость, равноправие, уважение национальных прав и интересов всех народов» [Киселёв, 1988, с. 207].

На деле этно-конфессиональные и территориальные, ценностные факторы либо опускались, либо рассматривались как незначительные. Результатом этого на фоне межблокового противостояния стала неспособность советской дипломатии эффективно разрешать ближневосточные конфликты. Израильско-египетское примирение, как и попытка реализации «иорданского варианта» урегулирования палестино-израильского конфликта, прошли без официального участия советских представителей. В отношениях СССР со своими региональными союзниками центральной темой переговоров часто была поставка современных видов оружия, модернизация и перевооружение дружественных арабских сил. Особенно настойчивыми на этих встречах были сирийцы [Горбачёв, 1995, с. 232–234].

Возможности Советского Союза на Ближнем Востоке строго детерминировались его внешнеполитической доктриной, точно так же, как и возможности Соединённых Штатов. Самоограничение, вызванное неспособностью подняться выше идеологических догм, привело к тому, что советские позиции в регионе уступали американским.

Для большей наглядности воспользуемся статистическими данными [The World Economy, 2006, p. 270–275, 295–296, 301–302, 317; The Military balance, 1989, p. 16–27, 32–42, 76–78, 96–118]. Сравнение будет вестись по трём категориям по состоянию на 1990 г. до вторжения Ирака в Кувейт: демография, уровень ВВП и размер вооружённых сил (ВС). Страны Ближнего Востока, СССР и США разделим на две категории: просоветские, проамериканские. К просоветским отнесём Ирак, Сирию и объединённый Йемен. К проамериканским – все остальные страны региона, кроме Ирана, см. таблицу 1.

Таблица 1

Table 1

Сравнение потенциалов просоветского и проамериканского блоков по следующим категориям:

ВВП (в млн долл. США), ВС и населения (в млн чел.)

Comparison of potentials of the pro-Soviet and pro-American camps in GDP (in US dollars), military capacity and demography (in millions of people)

	ВВП	ВС	Население
<i>Просоветский блок</i>	2 131 684	5 726 000	332 128 000
<i>Проамериканский блок</i>	6 499 434	3 614 900	394 725 000

На основе табл. 1 видно, что в демографическом плане проамериканский блок стран незначительно превосходил просоветский, примерно на 8 % от общего числа народонаселения. Однако если переведем проценты в численность людей, то увидим, что проамериканский блок превосходил просоветский на 62 597 000 чел. Таким образом, в демографическом плане преимущество было за США и их союзниками. Если условно приравнять уровень ВВП к размеру экономики, то можно наблюдать значительное превосходство стран с проамериканской ориентацией над странами с просоветской. В плане численности вооружённых сил крупный перевес был на стороне стран с просоветской ориентацией.

Также нужно сделать несколько важных замечаний во избежание ошибочной интерпретации. На качество вооружённых сил сильное влияние оказывает уровень материально-технического обеспечения – чем он современнее, тем эффективнее. Не менее важным влиянием обладает военная выучка личного состава, проще говоря, сочетание опыта и боевого духа, не говоря о других параметрах. Так, согласно вышеприведённой статистике, израильскую армию, в силу своей компактности, можно было бы ошибочно отнести к «второсортным» силам, однако итоги арабо-израильских войн свидетельствуют об обратном.

Исходя из этого, можно сказать о наличии *относительного* превосходства стран прозападного блока над просоветскими. Их преимущество в демографическом плане и в экономическом особенно, не считая лучший уровень материально-технического обеспечения, серьёзно нивелировало перевес в численности вооружённых сил просоветской коалиции.

О том, что добиться вытеснения Вашингтона из ближневосточного региона военным путём нереалистично, в Москве понимали. Одним из следствий данной рефлексии стало «позиционное» противостояние с США. Даже с началом перестройки советский внешнеполитический курс не сразу претерпел изменения, оставаясь в инерционном русле предыдущих лет. Лишь спустя некоторое время были предприняты попытки изменить сложившуюся ситуацию. Советский Союз начал постепенно сокращать поставки вооружения в дружественные страны, а в переговорах с арабскими представителями стала активно продвигаться идея организации диалога между арабами и израильтянами. Изменился подход к единой арабской политике, которую решили переориентировать с противостояния Израилю и США на достижение компромисса.

В соответствии с политикой нового мышления перед советской дипломатией ставились следующие задачи: во-первых, достичь сплочения арабских стран, во-вторых, снизить остроту палестино-сирийских противоречий, в-третьих, добиться созыва международной конференции. Примечательно, что в вопросе урегулирования арабо-израильского противостояния и формирования общеарабской позиции СССР делал ставку на Сирию, считая её авторитет в арабском мире достаточным для реализации данного сценария. Его М.С. Горбачёв неоднократно продвигал в своих личных беседах с Я. Арафатом и Х. Асадом [Горбачёв, 1995, с. 234–235]. Однако по мере отхода Советского Союза от линии жёсткой конфронтации с Западом политика генерального секретаря сделала бессмысленной борьбу за сохранение «левых квазисоциалистических режимов, из которых к концу 1990-х гг. осталась одна Сирия» [Мирский, 2012, с. 77].

Идея организации конференции по урегулированию заняла особое место в рамках новой советской политики. «Самое главное здесь – учитывать интересы всех сторон» [Горбачёв, 1988, с. 181], – писал М.С. Горбачёв. Однако созыв конференции имел даже большее значение для самой Москвы, чем для ближневосточных столиц. «Участие в урегулировании, – отмечают Т.В. Носенко и Н.А. Семенченко, – являлось своего рода международным пропуском, удостоверявшим легитимность ин-

тересов Советского Союза в регионе и его присутствия там» [Носенко, Семенченко, 2015, с. 191].

Говоря о советско-израильских отношениях, следует помнить о большом влиянии на них американского фактора. В условиях отсутствия дипломатических отношений между СССР и Израилем, США, в какой-то степени, взяли на себя обязанность защиты израильских интересов перед Советским Союзом. Принятие Конгрессом Соединённых Штатов в 1974 г. поправки Джексона – Вэника, например, было отчасти вызвано ограничением на эмиграцию советских граждан из Советского Союза, которое затрагивало и евреев [Носенко, 2011, с. 37]. Данная поправка наносила урон экономике и имиджу СССР за рубежом. Снятие барьеров на пути к эмиграции советских евреев смягчило позицию израильтян и американцев по отношению к Москве, но одновременно вызвало возражения арабской стороны.

Ввиду этого, используя тему международной конференции по Ближнему Востоку, СССР пытался сохранить за собой сферы влияния в регионе на фоне тяжёлых внутренних проблем и неспособности поддерживать своих союзников в прежнем объёме. Конференция состоялась в конце 1991 г., однако для Советского Союза, находившегося тогда в состоянии полураспада, она стала последним крупным международным мероприятием, в котором он принял участие.

Концепция нового политического мышления, выдвинутая СССР, в некоторой степени перехватывала у США пальму первенства в деле идеологической пропаганды. Трудно называть страну «империей зла», если она не только словом, но и делом подтверждала свой переход на новый постконфликтный уровень взаимодействия. Понимая это, Дж. Буш-старший предпринял попытку выдвинуть альтернативу в качестве ответа.

29 января 1991 г. он выступил перед Конгрессом, где сообщил о начале подготовки к новому американскому веку. «На карту поставлена не одна маленькая страна; это большая идея: новый мировой порядок, в котором различные страны объединяются для достижения общих целей человечества – мира и безопасности, свободы и верховенства закона» [George H.W. Bush, 1991], – заявил американский президент.

Значительная часть выступления была посвящена внутренним проблемам и агрессии С. Хусейна в Кувейте. Касательно мировой политики было подчёркнуто, что лидерство Соединённых Штатов незаменимо, а сами США являются «вдохновляющим примером свободы и демократии» [George H.W. Bush, 1991].

С одной стороны, США самостоятельно провозгласили себя лидером нового мирового порядка, с другой – это заявление отражало сложившуюся к началу 1990-х гг. новую картину мира. Более того, Соединённые Штаты, в отличие от Советского Союза, обладали гораздо большими экономическими и военно-политическими возможностями для обеспечения своего глобального доминирования. Таким образом, «новый мировой порядок» Дж. Буша-старшего не только стал своеобразным ответом на «новое политическое мышление» М.С. Горбачёва [Лукиянов, 2007]. Концепция американского лидера фактически подменила собой идею советского руководителя, связав интересы Соединённых Штатов с интересами мирового сообщества.

Заключение

Окончание холодной войны в значительной степени повлияло на ближневосточную региональную подсистему международных отношений. Отношения между сверхдержавами, с одной стороны, и их региональными союзниками – с другой, способствовавшие утверждению Ближнего Востока как периферии и как территории опосредованного, непрямого столкновения СССР и США, подверглись изменению. Соединённые Штаты остались единственной доминирующей силой в регионе. Пользуясь монопольным положени-

ем, Вашингтон приступил к его трансформации, в соответствии со своим видением нового мирового порядка. Данная политика, преследуя благие цели, стала началом новой эпохи пост-биполярного интервенционизма [Наумкин, 2008, с. 712]. Но роль Ближнего Востока как периферии западного мира осталась в целом неизменной. Вместо советского влияния США и их союзники занялись здесь сдерживанием исламистской угрозы.

Список литературы

- Горбачёв М.С. 1995. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., Новости, 656.
- Горбачёв М.С. 1988. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., Политиздат, 270.
- Киселёв В.И. 1988. Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. М., Наука, 239.
- Кризис на Ближнем Востоке: истоки и проявления. Центр изучения кризисного общества. 2018. М., Научный эксперт, 71.
- Куприянов А. Опасный миф Вестфалия. Российский совет по международным делам. 25.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/?fbclid=IwAR0iPY8RWPVsSF80GzJjbkTaEeOFcg2arJ4eA6985BXwk_OIEnNX5pKNUdQ (дата обращения: 15 января 2022).
- Лукьянов Ф.А. Игра в мировой порядок. Россия в глобальной политике. 4.07.2007. URL: http://globalaffairs.ru/redcol/n_8898 (дата обращения: 12 февраля 2022).
- Мирский Г.И. 2012. Международные отношения на Ближнем Востоке. Азия и Африка в современной мировой политике. Сборник статей. Отв. ред. Д.Б. Малышева, А.А. Рогожин. М., ИМЭМО РАН: 77–95.
- Наумкин В.В. 2008. Ислам и мусульмане: культура и политика (статьи, очерки и доклады разных лет). М.-Н. Новгород, ИД «Медина», 721.
- Наумкин В.В. 2018. Становление и кризис наций-государств. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: (Коллективная монография); отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М., ИВ РАН: 111.
- Наумкин В.В., Кузнецов В.А. 2021. Ближний Восток в поисках утраченного возрождения. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», март 2021: 5–7.
- Носенко Т.В. 2011. Внешнеполитические интересы Советского Союза и восстановление отношений с Израилем (1985–1991). Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. III. М.: 31–47.
- Носенко Т.В., Семенченко Н.А. 2015. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М., ИВ РАН, 260.
- Barnett M.N. 1998. Dialogues in Arab Politics. Negotiations in Regional Order. New York, Columbia University Press, 370.
- Blank S. 2018. The Foundations of Russian policy in the Middle East. Russia in the Middle East. T. Karasik and S. Blank (ed.). Washington, DC, The Jamestown Foundation: 30–31.
- Cammack P., Dunne M., Hamzawy A., Lynch M., Muasher M., Sayigh Y., Yahya M. 2017. Arab Fractures: Citizens, States, and Social Contracts. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publications Department: 64.
- George H.W. Bush. State of the Union Address, January 29, 1991. Miller Center, University of Virginia. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/January-29-1991-state-union-address> (accessed: 27 February 2022).
- Harb I.K. 2019. Foreword: Conflict in the Arab World and the Way Forward. The Arab World Beyond Conflict. Washington, DC, Arab Center Washington, DC Inc.: 20.
- Hinnebusch R. 2003. The International Politics of the Middle East. Manchester, New York, Manchester University Press, 262.
- Lukacs Y. 1992. The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record. Cambridge, Cambridge University Press, 549.

- The Military balance 1989–1990. 1989. The International Institute for Strategic Studies. London, Brassey's, 255.
- The World Economy. 2006. Vol. 1–2. Paris, Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 655.

References

- Gorbachyov M.S. 1995. Zhizn' i reformy [Life and reforms]. Kn. 2. M., Novosti, 656 (in Russian).
- Gorbachyov M.S. 1988. Perestrojka i novoe myshlenie dlya nashej strany i dlya vsego mira [Perestroika and new thinking for our country and for the whole world]. M., Politizdat, 270 (in Russian).
- Kiselyov V.I. 1988. Palestinskaya problema v mezhdunarodnyh otnosheniyah: regional'nyj aspekt [The Palestinian problem in international relations: a regional aspect]. M., Nauka, 239 (in Russian).
- Krizis na Blizhnem Vostoke: istoki i proyavleniya. Centr izucheniya krizisnogo obshchestva [Crisis in the Middle East: origins and manifestations. Center for the Study of Crisis Society]. 2018. M., Nauchnyj ekspert, 71 (in Russian).
- Kupriyanov A. Opasnyj mif Vestfalya. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 25.04.2019. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/opasnyy-mif-vestfalya/?fbclid=IwAR0iPY8RWPVsSF80GzJjkbTaEeOFcg2arJ4eA6985BXwk_OIEnNX5pKNuDQ (accessed: 15 January 2022) (in Russian).
- Luk'yanov F.A. Igra v mirovoj poryadok. Rossiya v global'noj politike [Game in the world order. Russia in global politics]. 4.07.2007. Available at: http://globalaffairs.ru/redcol/n_8898 (accessed: 12 February 2022) (in Russian).
- Mirskij G.I. 2012. Mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem Vostoke. Aziya i Afrika v sovremennoj mirovoj politike. Sbornik statej [International Relations in the Middle East. Asia and Africa in modern world politics. Digest of articles]. Otv. Red. D.B. Malysheva, A.A. Rogozhin. M., IMEMO RAN: 77–95 (in Russian).
- Naumkin V.V. 2008. Islam i musul'mane: kul'tura i politika (stat'i, ocherki i doklady raznyh let) [Islam and Muslims: culture and politics (articles, essays and reports of different years)]. M.-N. Novgorod, ID «Medina», 721 (in Russian).
- Naumkin V.V. Stanovlenie i krizis nacij-gosudarstv. Blizhnij Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: (Kollektivnaya monografiya) [Formation and crisis of nation-states. The Middle East in a Changing Global Context: (Collective monograph)]; otv. red. V.G. Baranovskij, V.V. Naumkin. M., IV RAN: 111 (in Russian).
- Naumkin V.V., Kuznecov V.A. 2021. Blizhnij Vostok v poiskah utrachenogo vozrozhdeniya. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», mart 2021 [The Middle East in search of a lost renaissance. Report of the Valdai International Discussion Club, March 2021]: 5–7 (in Russian).
- Nosenko T.V. 2011. Vneshnepoliticheskie interesy Sovetskogo Soyuza i vosstanovlenie otnoshenij s Izrailem (1985–1991) [Foreign policy interests of the Soviet Union and restoration of relations with Israel (1985–1991)]. Izrail', Rossiya i russkoyazychnoe evrejstvo v kontekste mezhdunarodnoj politiki. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj ezhegodnoj konferencii po iudaike [Israel, Russia and Russian-speaking Jews in the context of international politics. Proceedings of the XVIII International Annual Conference on Jewish Studies]. T. III. M.: 31–47 (in Russian).
- Nosenko T.V., Semenchenko N.A. 2015. Naprasnaya vrazhda. Ocherki sovetsko-izrail'skih otnoshenij 1948–1991 gg. [Useless hostility. Essays on Soviet-Israeli Relations 1948–1991.]. M., IV RAN, 260 (in Russian).
- Barnett M.N. 1998. Dialogues in Arab Politics. Negotiations in Regional Order. New York, Columbia University Press, 370.
- Blank S. 2018. The Foundations of Russian policy in the Middle East. Russia in the Middle East. T. Karasik and S. Blank (ed.). Washington, DC, The Jamestown Foundation: 30–31.
- Cammack P., Dunne M., Hamzawy A., Lynch M., Muasher M., Sayigh Y., Yahya M. 2017. Arab Fractures: Citizens, States, and Social Contracts. Washington, DC, Carnegie Endowment for International Peace Publications Department: 64.
- George H.W. Bush. State of the Union Address, January 29, 1991. Miller Center, University of Virginia. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/January-29-1991-state-union-address> (accessed: 27 February 2022).

- Harb I.K. 2019. Foreword: Conflict in the Arab World and the Way Forward. The Arab World Beyond Conflict. Washington, DC, Arab Center Washington, DC Inc.: 20.
- Hinnebusch R. 2003. The International Politics of the Middle East. Manchester, New York, Manchester University Press, 262.
- Lukacs Y. 1992. The Israeli-Palestinian Conflict: A Documentary Record. Cambridge, Cambridge University Press, 549.
- The Military balance 1989–1990. 1989. The International Institute for Strategic Studies. London, Brassey's, 255.
- The World Economy. 2006. Vol. 1–2. Paris, Development Centre of the Organization for Economic Cooperation and Development, 655.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.03.2022

Received 17.03.2022

Поступила после рецензирования 07.06. 2022

Revised 07.06. 2022

Принята к публикации 07.06. 2022

Accepted 07.06. 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гофман Артём Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия

Artyom V. Gofman, Candidate of Historical Sciences, Junior Research Fellow, Department for the Study of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-8918-1746](https://orcid.org/0000-0002-8918-1746)